

ПЁТР ШМАКОВ В ГАЗЕТЕ «КУЗБАСС»

Кузбасс

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОРГАН КЕМЕРОВСКОГО ОБКОМА КПСС И ОБЛАСТНОГО СОВЕТА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ

Газета основана в январе 1922 года. • № 137 (15468). • Четверг, 15 июня 1978 года. • Цена 2 коп.

ВЫМЫШЛЕННЫ, НО НЕ ПРИДУМАНЫ

О книге П. Шмакова «Ветка рябины»

Вспомните, как музыкант настроивает инструмент. Бесспорadamente, отрывочные, ничего не выражающие звуки... Но из этого хаоса и рождается музыка. Именно эти звуки, фильтруясь через душу музыканта, вводят нас в мир таинственный, но знакомый разве.

Так и у писателя. Разве с той лишь разницей, что мы не бываем свидетелями того, как писатель настроивает свой инструмент. Мы берем готовое. Отсюда уже начинается творчество читателя. Пожалуй, это содружество и определяет главную цель книги: задуматься ли читателю над жизнью, поверит ли автору, сможет ли за инструментом усмотреть «музыку»?

Передо мной первая книга рассказов кузбассца Петра Шмакова «Ветка рябины», изданная в издательстве «Советский писатель». Мне автор давно знаком читателю Кузбасса по публикациям в областной периодике.

Если принять во внимание разделение современной прозы на «оскески», то к нему Шмакова можно отнести к «эмалю деревенской прозы».

Кем же путан ищет автор? В его рассказе нет ни остро-го драматизма худощавых деревенских, ни ярких улетучивающихся трагедийных сюжетов, ни резких дидактико-философских размышлений. Автор как бы говорит: «Вот человек, простой деревенский труженик, пожалуй, слишком даже обыкновенный, попробуйте понять его, войти в его мир».

Мы начинаем смотреть на действующих лиц сначала глазами автора, а потом и своими собственными с каждой строкой убеждаемся в том, что герои вымышлены, но не придуманы, они есть в жизни. Это люди, которые не абстрактно, а непосредственно трудом своим обогащают землю. Мы начинаем верить им, понимать их.

Человек познается не только в моменты «ярких» жизни, а в малых, незамысловатых поступках. Именно изобретенность подчас и определяет суть человека, ставит перед ним и разрешает сложные нравственные и этические проблемы. Да и есть ли в жизни человеческой эти самые «незамысловатые» поступки, не

оставляющие никакого следа? Что, казалось бы, обыкновенно — прийти тайком ночью и положить на подоконник любимой девушки ветку рябины! Сам этот фетиш мог бы стать довольно заурядным, поверенным, если бы автор не затронул более глубокие слои человеческой души. Как часто самим нам не хватает в жизни такой вот «веточки рябины». Конечно, в согласии с тем, что автор порой идеализирует своих героев, наделяет их чертами подчас не совсем «земными», но вот что писал об этом Тасул Газизов: «не лезть лучше, чем он порой кажется». Утверждать веру в это — разве не благороднейшая цель искусства? Все мы учимся жить друг для друга. Поэтому нам необходимо быть добрее, симпатичнее, как-нибудь из нас должен исходить для ближнего своя «веточка». Это, пожалуй, и хотел выразить автор, именно такой подтекст рассказа «Ветка рябины».

Автор пытается прозонировать суть зарисовок современных людей деревни, увидеть, как меняются условия жизни, как меняется сам человек. Этот вопрос ставится в рассказе «Наследники». На первый взгляд кажется, что автор утверждает совсем обратное. Куцов, центральный персонаж рассказа, отнюдь не герой нашего времени, и вообще далеко не герой. П. Шмаков не судит его резко, рубя с плеча, но описывает события так, что мы почти физически начинаем чувствовать чуждость этого человека, его повстанческую пачку, потрапанные в собственных слабостях, мы осуждаем его и жалеем. Жалость приходит не сразу и мимолетно. И если бы писатель оставил Куцова в его затхло одиночестве, то не стоило бы, наверное, писать рассказ. Не ради Куцова он написал, главные герои — это Настя и ее муж, ибо в них и для них все

жизнь — бурьян, артезианская скважина.

Они пытаются поехать эту жизнь и Купцову, но он отказывается принять ее, он, собственно, давно от нее отказался. Порывает духовный и нравственный вакуум, отсутствие элементарных человеческих чувств. И остается он один в своем доме-берлоге. Дума о приобретении новой собаки для охраны ценностей, накопленно которой отдаю всю свою жизнь, все смыл. Остается, так и не осознав, там и не увидев артезианского корыта своей души. Вот тут и шевельнется у читателя подсознательная жалость: ведь человек же, а жизнь одна. Странный прожить ее так, как Купцов.

Рассказы «Хлеб», «Божья ночь», «Сизарь», «Горб» — наш друг посвящениям теме военного детства. Личный жизненный опыт писателя сыграл здесь не последнюю роль. Вспомните военное детство, П. Шмаков поднимает

острые проблемы морали, раздумывает о таких человеческих качествах, как честь, долг, справедливость. Ведь именно в детстве закладываются те качества, которые определяют дальнейшую нашу жизнь. Только детству присуща яркая непосредственность восприятия, полнота вещей и поступков такими, какие они есть, без лобкового смысла, инстинктивная искренность душевных переживаний. Но детство хваляно — особенно, слишком быстро происходит здесь слияние двух миров — детского и взрослого. Наверное, поэтому надолго отпечатывались в детской памяти образы взрослых: «Этого человека я видел один раз в мода детства, но в память он остался навсегда» — так начинался рассказ «Хлеб». Не зная войны не поймут, может быть, всей горечи и трагизма того положения, в котором оказался юный герой: не его рука стерла очередной номер, и он едва не остался без хлеба. Тогда-то и пришел на помощь тот человек, разозлившись на всю жизнь.

В рассказе «Сизарь» — за

же теме военного детства, начало формирования двух характеров, обычной «порядочной» пидкость одного, неброская чистота души другого. Не всю жизнь остается в памяти детство. И даже если спорился с годами какие-то конкретные горькие или радостные эпизоды, то привкус их остается на всю жизнь. На такая моменты и строчка она, и ради такой эпизода надо жить, бороться и страдать, терять и находить.

Конечно, книга П. Шмакова не лишена недостатков: иногда автор многословен, пытается расширить образ персонажа не в конкретном действии, а лишь описательно, что снижает художественную ценность рассказа («Летучка»), иногда — наоборот — скупость, получается односторонняя («Сильный отпуск»). Но книга в целом оставляет след в душе читателя.

Т. СТРАХОВА.
г. Липецк-Кузнецкий.

// Кузбасс, 1978, 15 июня, с. 3.